

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Александр Бренер и Барбара Шуриц

Предисловие к сборнику

**«На ножах со всем
существующим»**

от переводчиков

Александр Бренер и Барбара Шуриц

Предисловие к сборнику «На ножах со всем существующим»

от переводчиков

2006

Сохранено 15 сентября 2011г. из a-read.narod.ru

2006

1.

Мы работали с этими текстами. Мы их для себя открывали. Мы ими поражались, мы ими заражались. Они — наши. Они вошли в наше тело и в наши мысли. Они взбесили наше воображение. Разве это жизнь вокруг нас? Нет, жизнь — другое. Мы хотим прорваться к жизни. Для этого нужно атаковать смерть. Будьте прокляты все писатели. Будьте прокляты все издатели. Будьте прокляты, левые и правые. Идите к чёрту, осторожные и ухмыляющиеся. Сгинь, хам. Мы любим тебя, Альфредо Бонанно, мечтатель, повстанческий анархист. Ты в тюрьме? Кто разрушит эту тюрьму? Птицы? Звери? Боги? Индейцы? Ты, читатель? Мы должны разрушить эту тюрьму.

2.

Как должны действовать книги?

Так, как эта книга подействовала на нас. Она посеяла смуту. Она разрушила перемирие. Она подняла восстание. Она сказала нам: станьте другими. Как стать другими? Как покончить с соглашательством? Как вырвать язык послушания? Как научиться говорить невероятное, смехотворное, неприемлемое? Как не лгать себе? При чём здесь анархизм? Почему мы в изоляции? Почему вокруг одни холуи и хозяева? Почему люди не выдерживают настоящего разговора? Как овладеть оружием? Как возродить воображение? Что это значит?

3.

Как вырвать страх? Можно ли этому научиться? Как вдохнуть в себя ночь? Как пуститься в пляску?

4.

Один французский философ сказал, что есть книги, само пребывание которых на полке книжного магазина должно вызывать неминуемый взрыв и разрушение этого магазина. И даже ближайшие дома могут пострадать. Мы в этом сомневаемся.

Где вы видели, философ, такие книги? В каком философском сне? Где эта книга?

5.

Наоборот, наступили времена, когда книги не вызывают взрывов ни в книжных магазинах, ни в правительственных особняках, ни в частных библиотеках. Книги протухли. Они дурно пахнут. Они за версту воняют проституцией, деньгами, конкуренцией, желанием успеха, коррумпированными интересами, жлобством, ложной критикой, рекламой, самодовольством. Они стали бойким товаром. Они превратились в дополнение к компьютеру и кинематографу. На их обложках — голливудские актёры и чавкающие фотомодели. Фуко на одной полке с Акуниным: так им на роду написано.

6.

Но есть исключения. (Они всегда есть.) Например, авторы, собранные под этой обложкой, не таковы. Они — не товар. Они не навевались в издательские дома, чтобы быть напечатанными, и не продавались в приличных магазинах. Их вещи выходили в самиздате. Самиздат — сам пишешь, сам печатаешь, сам распространяешь. Так действуют, между прочим, нищие писаки, сбывающие свои опусы в берлинских или лондонских кафе. Они печатают и продают себя сами поневоле, потому что не нашли издателя. Но наши авторы не таковы. Самиздат для них — сознательный и последовательный выбор. Потому что они — против всех существующих учреждений. Против издательств, книжного бизнеса, парламентов, заводов, партий, тюрем, психбольниц, супермаркетов, полицейских участков, музеев, архивов, армий (в том числе сапатистской), академий, школы, семьи, дизайнерских бюро, музыкальной индустрии, церкви, спорта. . . Против всех «авангардов» и «арьергардов». Против извечного партнёрства капитала, культуры и государ-

Фреди Перлман в своей чудесной книге «Против Истории, против Левиафана».

21.

Таким образом, революция будущего — не путч в пользу «самоорганизованного» производства (это — абсурд и обман, где заключённые сами руководят своей тюрьмой!), а восстание против насилия производства. В пользу чего? Забудем о всякой «пользе». Революция будущего — это революция воображения и игры, смеха и раскрепощённого творчества. Об этой революции догадывались Лао Цзе и Торо, Монтень и Вильям Блэйк, Иероним Босх и Мелвилл. Об этой революции грезил никому не ведомые мечтательницы, так и не вошедшие в господствующую историю. Это революция, которая будет искать формы человеческого сообщества, свободные от всякого закабаления, одомашнивания и одурачивания. Это революция против Машины, Системы, Схемы, Структуры, Организации. Это революция против законов, канонов, технологий, стереотипов, функций, ролей. Это революция против самого Проекта — основы основ рационального мышления. Это революция Мудрых Дикарей.

22.

Читай же, дорогой читатель! Если, конечно, ты ещё способен читать, то есть участвовать в творчестве, а не просто потреблять «тексты» и класть их обратно на полку. Ну а если ты не творец, пусти себе пулю в лоб. Или дай волю своему недобитому воображению.

Волшебная палочка. Философский Камень. Полярный цветок. Заветное слово. Победа божественного воображения над силами мирового приручения. Да, да, да: воображение мертво — воображайте!

20.

Вызов Бонанно — это вызов обществу (и человеку) производящему: долой производство! Но что значит «производство»? Это то, что полезно для общества. Восстать против полезности? До такого не смели додуматься почтенные анархисты девятнадцатого века, пленники рациональной эпохи: должна быть разрушена основа основ исторического существования человека — производство и воспроизводство, продукты, товары, система вещей. То, на чём держится всякая власть. Отказаться от продуктивности — значит преодолеть господство интересов рода, клана, класса, общества над интересами индивида. Здесь Бонанно смыкается с такими авторами, как Жак Каматт и Фреди Перлман. Каматт считал, что производство — это смертоносная рациональность капитала, которая по сути своей не имеет ничего общего с желаниями человека. Согласно Каматту, производство (и его обязательные спутники — эксплуатация и неравенство) сначала уничтожает свободное человеческое общество (коммуны), а затем — саму мечту о таком сообществе, воображение. В результате человек полностью приручается и подавляется властью, сводится к рабочему процессу, а его чувства и мысли, сама его жизнь лишается всякой ценности и ставится на службу идеологии продуктивности. Поэтому разрушение производства — это творческий акт, направленный на возрождение действующего воображения, а затем и вольной человеческой общности. Не будем забывать, что воображение всегда ищет Золотой век, то есть человеческую общность без работы и принуждения. Об этом Золотом веке рассказал нам

ства. Против любых боссов, «знатоков» и «специалистов». Против ложной критики оплачиваемых интеллектуалов. Против разрешённого искусства (в том числе и «радикальных» художников). Против авторитетных революционеров и «координаторов». Одним словом, против всех деталей, частей и отделов наличествующей социальной машины и так называемой оппозиции. Против общества.

7.

Возможно ли это? Быть против всего? Возможно, если вы повстанческие революционные анархисты. Но что это такое?

Что значит быть анархистом?

8.

Забудьте о Кропоткине. Не вспоминайте о Махно. Анархизм — это не концепт, высеченный золотыми буквами в мраморе на столетия. Это не религиозная догма, не идеологическая доктрина и не политическая теория. Анархизм — способ жить, а жизнь (молоды мы или стары) не есть нечто раз и навсегда данное, зафиксированное: она — риск, откровение, приключение, слом, творческий акт, испытание. Впрочем, так может сказать не только анархист. Анархист же добавит: риск индивидуального освобождения, приключение коллективного восстания, открытие революционной возможности, творческий акт неподчинения, испытание разрушением. И для анархиста это — не пустые звуки. Они — вторжение божественности, вызов миру, поиск и постоянное усилие.

Слова и фразы звенят, как медные тарелки. «Анархизм!» «Вызов!» «Божественность!» «Усилие!» Болтать, как всегда, легко. Быть трудно.

Альфредо Бонанно говорит: *«Наш выбор — повстанческий. В то же время он анархистский. Это одновременно выбор сердца и ума, характерологический и аналитический выбор. Для анар-*

хистов нет иного пути, кроме немедленного и разрушительного вмешательства. Вот почему мы — повстанцы, и вот почему мы против всякой болтовни и идеологии. Мы против любой идеологии анархизма и болтовни об анархизме. Время застольных дискуссий прошло. Враг — рядом, за ближайшей дверью. Он видим и осязаем. Следовательно, это только вопрос нашей решимости, сможем ли мы атаковать его. Я уверен, что повстанческие анархисты знают, какое время выбрать для атаки и какие средства избрать для неё. А уже разрушив врага, мы реализуем анархию».

9.

Проблема, однако, остаётся: чтобы понять эти точные и ясные слова, нужно уже (хоть немного) быть повстанческим анархистом. Характерологически. Поведенчески. Нужно перестать функционировать. Нужно начать быть. Стать самим собой. То есть неприемлемым.

10.

Итак, есть группа людей в этом мире. Небольшая, малочисленная группа. (Хотя её значение не исчисляется в арифметических единицах.) Это — анархисты-повстанцы. По-английски они называются: Insurrectionalist Anarchists. Их теоретическая база находится в Италии, но действуют они не только в этой стране. Их организация носит абсолютно неформальный характер. Правильнее сказать, это даже не «организация», но множество маленьких групп и индивидов, объединённых общим пониманием теории и практики. А иногда повстанческие анархисты вообще не теоретичны (в банальном смысле этого слова), но действуют (интуитивно и спонтанно) в полном согласии с идеями повстанческого анархизма. Сладко принадлежать к этому движению (или состоянию?), ибо оно — поэзия и правда нашего времени.

11.

лет? Хоть перед смертью?

17.

Мы можем сказать только за себя: повстанческая теория дала нам критерий. Раньше мы думали: «Ну ладно, сделаем так и эдак, а там то да сё - видно будет». Теперь мы знаем: ничего там (впереди) не видно, кроме свинства и немощи, кроме вседозволенности капитала и импотенции активистов, кроме беспредельного разгула власти, кроме нищеты человеческой жизни, кроме истребления воображения, кроме уничтожения вольного сообщества. Поэтому если хочешь делать вещи по-настоящему, надо делать их прямо сейчас, дико и умно. Существует повстанческий критерий. Метод обязывает. Без метода, без критерия (а сейчас все без критерия) ты говоришь: «Я люблю банду Бонно, Махатму Ганди, Квентина Тарантино и Хаким Бея». Чушь! Вздор! Только кретин или незнайка может любить всё это разом. Пора перестать быть крестинами и незнайками. На одной интуиции и благих намерениях не протянешь.

18.

Повстанческое оружие в первую очередь помогает ориентироваться в этом мире. То есть выбирать: вместо фальшивого подлинное, вместо гарантированного опасное, вместо усыпляющего пробуждающее, вместо уродливого прекрасное. А уж затем, поняв себя и своё место во всём, ты, дружок, сможешь атаковать с этим оружием власть. Ибо, как говорит повстанческая наука, только борьба реальна. Борьба, ну и, конечно, воображение.

19.

Так что воображай, мечтатель! И читай, читатель! Тут тебе вложено в руку верное оружие. Не та двусмысленная бомба, о которой говорил французский философ. Нет, здесь перед тобой настоящий умопомрачительный заряд. Подлинный вызов.

обязаны идти дальше нормальности (этого ледяного монстра). Впрочем, как и дальше исключительности, понимаемой в качестве аристократической формы. Ведь было однажды сказано: по ту сторону добра и зла. Далее: быть постоянным - значит идти вперед, даже когда другие разочаровывают и всё кажется более или менее безнадежным».

15.

Видишь, читатель: требования, предъявляемые повстанческой теорией, высоки. Прямо скажем: высоки так, что нынешнему человеку и не дотянуться. Это всё равно что полярные цветы: где они, чёрт побери? Высоко! Мало кто сподобится увидеть их сегодня. О-го-го! А если и увидишь — как дотянуться? Лично мы, пишущие эти строки, не дотягиваемся. А вы, читающие, дотягиваетесь? До полярных-то цветов?

16.

Ну ладно, мы по крайней мере способны хоть на такое. Цитируем: *«Внезапно Уотт схватил трость Камье, размахнулся, поднял и в ярости стукнул по соседнему столику, за которым перед растянувшейся надолго кружкой пива человек с бакенбардами читал газету и курил трубку. Случилось то, что должно было случиться: стеклянный столик разлетелся вдребезги, трость переломила пополам, кружка опрокинулась, а человек с бакенбардами полетел навзничь, по-прежнему сидя на стуле, с трубкой в зубах и газетой в руке. Уотт швырнул оставшийся у него в руках конец трости в сторону стойки, свалив оттуда несколько бутылок и уйму стаканов. Уотт дождался, пока затих разнообразный стук и звон, а потом взвыл:*

- К чертям собачьим такую жизнь! Да здравствует Квинт!»

Вот так-то.

«Да здравствует Квинт!»

Ну, а ты, читатель, хоть на такое способен? Хоть на старости

У повстанческих анархистов нет никакой социальной или организационной идентичности, которую они могли бы защищать. Они не верят ни в партии, ни в авангардные группы, ни в передовое революционное подполье. Их союзы всегда носят неформальный и временный характер. Они, как и их атаки, направлены не на то, чтобы пропагандировать или защищать себя, но чтобы наносить постоянные удары по власти, чтобы разрушить государство и капитал, технологии и деньги, все институты и механизмы господства. Именно здесь — в решимости атаковать — теория и практика повстанческих анархистов совпадают. Вот как они говорят об этом сами:

«Мы считаем, что вместо традиционных структур «пролетарского», а на самом деле буржуазного типа (партий, профсоюзов, блоков, федераций, союзов и пр.), нужно создавать небольшие группы близости (по три-четыре-пять человек), базирующиеся на силе и прочности личного знания. В двух словах: на любви и дружбе. Группа близости - новая форма сопротивления в эпоху окончательной коррупцированности организаций старого типа. Группа близости - форма повстанческой активности в эпоху полной социальной атомизации и разрушения непосредственных человеческих связей. Именно такие группы хорошо приспособлены, чтобы совершать нападения на врага и объекты власти. При этом повстанческая анархистская группа действует не изолированно, но (по возможности) в контакте с другими группами близости и отдельными индивидами, готовыми к нападению. Группы делятся друг с другом информацией, знаниями, инструментами и всем остальным, необходимым для реализации атак. Никто и никогда не стоит над этими группами и индивидами как

высшая инстанция: никакой лидер или организация, никакой конгресс или съезд».

12.

Понимаешь ли ты, читатель, о чём идёт речь? Понимаешь ли ты себя?

13.

Два эти вопроса абсолютно взаимосвязаны. Начнём со второго. Понимать себя трудно.

Но без этого нет жизни, нет воображения, нет поступка. Без этого вообще ничего нет. Между тем из всех окон вопят: «Не дадим тебе, сосунок, понимать себя! Заморочим!» Из родительских окон, из учительских окон, из вечных фабричных окон, из ресторанов, кафе, офисов, конференц-залов, всяческих аудиторий, галерей, универмагов, судов, кабинетов вопят: «Нет, убудок, не дадим тебе осознать себя! Заболтаем!» И шёпотом добавляют: «Выучи азбуку и информатику. Тогда научим тебя выживать». И суют тебе пару книжек. И телевизор. И фломастеры. И журналы. И компьютер. И ещё пару книжек. Ах, как мы любим книги! Ох, мы их всё ещё любим! Понимаемые наполовину, на четверть. Книги — такие соблазнительные, поучительные, объясняющие любовь и войну, вселенную и власть, рабство и Империю. . . А потом, поздно ночью, шепчущие на ухо то же самое: «Ни-ни-ни. . . Сиди смирененько. . . Замордуем!» Смерд слов, навязанных господско-холуйской культурой! Антонио Негри прогрессивный менеджер, потомок прусского буржуа, пьющего за разрушение Бастилии. Фуко, хохочущий на манер Передонова, — в студенческий анус. Плачущий, как Горький в ГУЛАГе, печальный профессор Делёз. Деррида, в бордовых носках, на широком экране: «Да здравствует дружба!» И профессор Подорога — в белых носках, снятых с

трупа Хайдеггера: «тело-без-органов!» И ещё всякие, всякие, всякие философы и теоретики: «радикальные», «подрывные», «революционные», международные, доморощенные, соблазняющие «новым универсализмом» и чёрными тужурками, «другими Россиями» и Аллахом, «полной эмансипацией» и «новой жертвенностью». . .

Проклятье! Как разобраться? Ах, головушка-голова! Прочь! Прочь!

14.

Есть теории, написанные специально для того, чтобы расколоть голову наполовину: бац! Бац! (Империя — властвуй!) Есть теории, запаковывающие, словно подушка: упс-упс! (Империя — правь!) Но в этой книге — другая теория. Она создавалась людьми, принадлежащими к дерзкой и действительно дикой «традиции»: не только Штирнер, Зо д'Акса и Либертад, но и анархистский иллегализм, банда Бонно, Северино ди Джованни. . . И никакой дешёвой романтики, только ошелмляющее воображение, только трезвый и страстный анализ. Вот что говорит Альфредо Бонанно: *«Революционер, чтобы соответствовать революционному проекту, должен обладать четырьмя свойствами: 1. мужеством, 2. постоянством, 3. творческими способностями, 4. знанием материальных условий, в которых живут люди. При этом необходимо не просто банальное мужество - способность к телесным битвам или атаке на вражеский лагерь. Необходимо более сложное качество - соответствовать собственным взглядам. То есть: тот, кто мыслит революционным образом, кто повстанчески оценивает людей и вещи, должен обладать способностью ставить всё на кон, без компромиссов, без половинчатости, без иллюзий, без жалоб. Останавливаться на полпути — преступно, а лучше сказать: совершенно нормально. Революционеры, однако, не нормальны. Они*